Олег Палек

Знала бы прикуп

Олег Палёк

Знала бы прикуп

«Автор»
2026

Палёк О. А.

Знала бы прикуп / О. А. Палёк — «Автор», 2026

Вера Игоревна сводит в таблицы все, даже отпуск. В графе «цель» у нее одно слово, «почувствовать», а строку «курортный роман» вписала подруга, после третьего бокала и при свидетелях. Кандидата Вера выбирает по критериям, но договор на две недели почему-то подписывает совсем другой мужчина: игрок, который запоминает колоду с одного раза и улыбается так, будто репетировал перед зеркалом. Он думает, что ведет ее к игровому столу. Она думает, что проводит контролируемый эксперимент. Ошибаются оба, и оба об этом скоро узнают. Авантюрная любовная комедия о женщине, которая посчитала все, кроме прикупа.

© Палёк О. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Annotation 5
Олег Палек 6
Глава 1 Вера. Москва — Сочи. 25–26 сентября 7
Глава 2 Артем. Сочи. 26 сентября 12
Глава 3 Вера. Сочи. 27 сентября 17
Глава 4 Вера. Сочи. 28 сентября 21
Глава 5 Вера. Сочи. 29 сентября — 1 октября 25
Глава 6 Вера. Сочи. 2 октября 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

О. Палёк
Знала бы прикуп

Annotation

Вера никому не верит и никогда не рискует: она аудитор. Даже за курортным романом в Сочи она едет по плану, с таблицей, критериями и договором на две недели, который сама приносит самому рискованному мужчине курорта. Артем подписывает слишком легко. Вера не знает, что игрока с феноменальной памятью подослали к ней нарочно и что хозяину подпольных катранов нужна ее подпись. Каждый уверен, что ведет игру он, пока игра не становится любовью.

Олег Палек
Глава 1 Вера. Москва — Сочи. 25–26 сентября
Глава 2 Артем. Сочи. 26 сентября
Глава 3 Вера. Сочи. 27 сентября
Глава 4 Вера. Сочи. 28 сентября
Глава 5 Вера. Сочи. 29 сентября — 1 октября
Глава 6 Вера. Сочи. 2 октября
Глава 7 Вера. Сочи. 3 октября
Глава 8 Вера. Сочи. 4–5 октября
Глава 9 Артем. Сочи. 6 октября
Глава 10 Вера. Сочи. 7 октября
Глава 11 Вера. Сочи. 8 октября
Глава 12 Артем. Сочи. 9 октября
Глава 13 Вера. Сочи — Москва. 10 октября
Глава 14 Вера. Москва. 16–20 ноября
Глава 15 Вера. Красная Поляна. 26–27 декабря
Глава 16 Артем. Красная Поляна. 28 декабря
Глава 17 Вера. Красная Поляна. 29–31 декабря
Глава 18 Вера. Красная Поляна. 1–2 января
Глава 19 Вера. Красная Поляна. 4–6 января
Глава 20 Артем. Красная Поляна. 7 января
Глава 21 Вера. Красная Поляна. 7 января
Глава 22 Вера. Красная Поляна. 7–8 января
Глава 23 Вера. Красная Поляна. 8 января
Эпилог Вера. Сочи. 26 сентября

Олег Палек
Знала бы прикуп

Глава 1 Вера. Москва — Сочи. 25–26 сентября

Финансовый директор врал уже четвертую минуту, с цифрами наготове, только одна из этих цифр не сходилась с другой тремя страницами дальше. Во втором квартале пельмени всегда проседают, объяснял он, потому что летом люди едят окрошку. Говорил он так уверенно, что двое моих аудиторов у окна уже кивали в такт. Мой палец лежал на одиннадцатой странице, где выручка за квартал стояла одной суммой, а смотрела я на четырнадцатую, где ту же выручку расписали по регионам, и в сумме регионы давали на сорок миллионов больше.

Лицам я не верю вообще, ни честным, ни усталым, ни отечески заботливым, как у этого человека в хорошем костюме. Лицом люди управляют прекрасно, этому теперь учат на тренингах. Отчетностью они не управляют совсем, потому что таблиц в ней всегда больше одной и рисуют их разные люди в разные дни. Поэтому ложь я ловлю по цифрам, и они меня пока ни разу не подвели.

— Простите, что перебиваю, — сказала я, когда он набрал воздуха для следующего абзаца. — Давайте вернемся на одиннадцатую страницу, потом откроем четырнадцатую, и вы мне объясните, откуда взялись сорок миллионов.

— Вера Игоревна, ну это чисто техническое, — он развел руками над столом и улыбнулся так, как, наверное, улыбается налоговому инспектору. — На четырнадцатой мы считаем по дате договора, на одиннадцатой по дате оплаты, это все есть в примечаниях.

Я перелистнула к примечаниям, и он, заметив это, добавил уже не так бодро:

— Вы же Вера, в конце концов, ну поверьте мне хоть раз на слово.

— На слово я не верю даже себе, поэтому всегда проверяю, — сказала я и открыла семнадцатую страницу. — В примечаниях написано, что методика у вас одна, по дате отгрузки, и под этим стоит ваша подпись. Значит, одна из двух страниц нас обманывает, и до конца следующей недели я хотела бы понять, какая именно.

Он посмотрел на помощницу, та посмотрела в ноутбук. В переговорной стало слышно, как гудит кондиционер. Секунд через двадцать он пообещал уточнить у бухгалтерии. Я записала в блокнот дату, к которой он уточнит, и подчеркнула ее два раза, не торопясь, чтобы он видел.

— Вера Игоревна, сорок миллионов в протокол ставим сейчас или ждем бухгалтерию? — спросил в лифте младший из моих аудиторов, встав на полшага дальше, чем встал бы рядом с кем-нибудь из своих.

— Ставим сейчас, с пометкой «ожидаем пояснений», — сказала я. — Если мы будем ждать, у бухгалтерии появится время придумать объяснение получше.

По отчеству меня зовут все в отделе, включая заместителя, который старше меня на восемь лет. Шутку про то, что с таким именем полагалось бы верить людям, я слышу от каждого второго финансового директора, обычно минуте на пятой, когда у него кончаются аргументы.

Вечером, когда собранный чемодан уже стоял в прихожей, я в последний раз открыла таблицу «Проект: эмоции» и проверила ее от начала до конца. Вкладок было пять: «цель», «критерии», «сроки», «бюджет» и «риски». В «сроках» стояли три недели начиная с двадцать шестого сентября. В «бюджете» была сумма, которую я откладывала с весны, разбитая по статьям вплоть до чаевых. А в «цели» стояло одно слово, «почувствовать». Три вечера подряд я его стирала и вписывала заново, потому что так и не смогла придумать, что поставить после него.

Город я выбирала взвешенной оценкой, как выбирают подрядчика на тендере. Критериев набралось семь, от погоды в конце сентября до цены перелета, и у каждого был свой вес. Сочи обошел Анапу на полбалла, а Светлогорск на два. Результатом я была довольна, пока не заме-

тила, что у погоды вес двадцать пять процентов, хотя в черновике было двадцать. Пересчитывать я не стала. Объяснила себе, что в бархатный сезон погода и правда важнее цен, и закрыла вкладку, пока в голове не успела прозвучать мамина фраза. Я слышу ее с детства по любому поводу, от загара до упрямства: «Ты у нас сочинская».

Отель я выбирала тем же способом: свела в таблицу сорок вариантов по цене, отзывам и расстоянию до моря и отсекла все, где в отзывах дважды встречалось слово «шумно». После чего загнала этот список в чат с искусственным интеллектом. Он выдал лидера с погрешностью в пять процентов. По меркам аудита это был катастрофический провал, но из оставшихся вариантов этот был наименьшим из зол.

Кира позвонила по видеосвязи в начале одиннадцатого. Это она отправила меня за эмоциями, в августе, на своем дне рождения, после третьего бокала и при свидетелях. С тех пор она держалась как научный руководитель этого проекта.

— Покажи мне эту таблицу, я хочу увидеть это своими глазами, — потребовала она и придвинулась к камере так близко, что на экране остались нос и край бокала. — Я тебе в августе сказала одну простую вещь: тебе тридцать четыре, а ты живешь как сводная ведомость. Я не просила писать на это техническое задание.

— Ты просила меня поехать за эмоциями, и я еду, — отрезала я и развернула к ней ноутбук. — А как их получать без плана, я не знаю, и ты мне так и не объяснила, хотя я спрашивала дважды, причем один раз письменно.

Читала Кира долго и молча. Только раз она фыркнула, на вкладке «бюджет», где у меня отдельной статьей шли экскурсии, не больше двух.

— Тут нет главного, — сказала она наконец и постучала ногтем по экрану, прямо по вкладке «цель». — Ты едешь в Сочи в бархатный сезон, одна, с новым купальником, и у тебя в целях нет курортного романа. Вписывай отдельной строкой, прямо сейчас, пока я смотрю.

Спорить с Кирой после десяти вечера бесполезно, это я знаю по опыту. Я завела в «цели» новую строку «курортный роман». Под ней я сразу добавила критерии отбора кандидата, потому что цель без критериев у меня не принимают даже от подчиненных. Возраст от тридцати пяти до сорока пяти, высшее образование, профессия, связанная с цифрами. Не курит, читает что-нибудь, кроме новостей, приходит вовремя.

— Вера, — простонала Кира и откинулась на спинку дивана, так что в кадре остался только потолок, — ты сейчас написала вакансию. На такие вакансии откликаются те, кто идеально заполняет анкеты, и с ними потом умираешь от скуки на второй день. Ну хоть курение вычеркни, вдруг он окажется красивый.

— Курение я не вычеркну, это вопрос здоровья, и красота тут ничего не меняет, — ответила я. — А скуку нельзя измерить, поэтому в критерии я ее не внесу, у меня все пункты должны проверяться.

Такси пришло в половине пятого утра. Москва за стеклом была черной и мокрой, водитель молчал. Я как раз успела подумать, что первый пункт проекта выполнен, раз я еду, и что командировочного у меня в сумке на этот раз нет, и тут позвонил отец. Звонит он, когда ему приходит в голову новая затея, а приходят они к нему в любое время суток. Если я не отвечу, он позвонит маме, а мама перезвонит мне и будет молча ждать, пока я сама пойму, зачем она звонит.

— Верочка, не спишь? Мама сказала, что ты летишь в Сочи, и я сразу понял, что это знак, — начал отец без всякого «здравствуй», и по голосу было слышно, что он улыбается и ходит по кухне.

— Пап, я в такси, и если это новое дело, пришли мне его, пожалуйста, сообщением, — сказала я, заранее зная, что сообщения не будет.

— Слушай, есть теплоход, прогулочный, шестидесятых годов, стоит у знакомого в затоне. Это же готовое дело: восстанавливаем, катаем туристов, на палубе ресторан. Мне нужен партнер с головой, а самая светлая голова в нашей семье у кого?

— Папа, сейчас половина пятого утра, я еду в аэропорт, и я не вкладываю деньги в теплоходы, которые стоят в затоне, — сказала я тем ровным голосом, каким отказывают в кредите. — Пришли мне смету, оценку корпуса и хотя бы один расчет окупаемости, и через неделю я подробно объясню тебе, почему нет.

— Вот за это я тебя и люблю! Ты у меня в двенадцать лет пулю писала аккуратнее меня, и висты в три столбика, — засмеялся он, и я против воли улыбнулась своему отражению в темном стекле. — Сметы не будет, смета — это скучно, я тебе лучше фотографию пришлю, ты только посмотри, какая там рубка.

Фотография пришла через минуту. Белый борт в рыжих потеках, флаг на корме и отец на палубе, загорелый, в той самой кепке. В этой кепке он лет двадцать пять назад объявил, что мы едем на море на целый месяц. На море мы тогда поехали, а осенью из гостиной увезли пианино. Из всего того дня я помню только маму. Она долго протирала паркет на месте, где стояло пианино, хотя паркет был чистый. Ни отцу, ни мне она не сказала ни слова, а тряпку потом сложила вчетверо и все держала в руках, не зная, куда ее положить.

Я написала отцу, что рубка красивая, а корпус, судя по потекам, придется варить целиком, и пожелала удачи. Отвечать ему так, чтобы он услышал одобрение, которого нет, я научилась еще в школе. Он прислал поднятый большой палец и сердечко, и такси свернуло на эстакаду к аэропорту.

Сочи начался прямо у трапа, с тепла, которое легло на плечи, как чужая куртка. К одиннадцати я уже стояла на пляже отеля с ноутбуком под мышкой и договором аренды шезлонга в руке. Договор я дочитала до последнего пункта. В восьмом пункте обещали штраф за несданное полотенце в размере его стоимости, но цена нигде указана не была. Девушка на выдаче посмотрела на меня, как смотрят на первого за сезон гостя, дочитавшего до восьмого пункта. Полотенца у них, сказала она, никто не считает.

Галька оказалась крупной и горячей, на каблуках по ней было не пройти. До шезлонга я дошла босиком, с босоножками в руке, чувствуя ступнями каждый камень. Крем я нанесла по инструкции и поставила таймер на два часа. Море в тот день было такого цвета, что его хотелось внести в таблицу, хотя бы для того, чтобы как-то назвать. Я посмотрела на него один раз и открыла ноутбук: по графику у меня стояла сверка бронирований.

На соседнем шезлонге мужчина читал с планшета аналитику. Я видела заголовок про ключевую ставку и облигации федерального займа.

— Простите, что отвлекаю, но вы, кажется, единственный на этом пляже, кто читает что-то серьезнее меню, — сказал он и повернулся ко мне вместе с планшетом. — Я Стас, живу в этом же отеле, работаю финансовым аналитиком, и мне уже второй день не с кем обсудить ставку Центробанка.

— Меня зовут Вера, я аудитор, и ставку Центробанка обсуждать не буду, потому что у меня отпуск, — сказала я, но ноутбук закрывать не стала. — Хотя послушать могу, если коротко и без графиков.

За полчаса я узнала о нем больше, чем узнаю о кандидате на собеседовании. Тридцать восемь лет, экономический факультет, инвестиционная компания. Не курит, причем сказал об этом сам, когда мимо прошел человек с сигаретой, и поморщился ему вслед. Пункты закрывались один за другим, быстрее, чем я успевала их отмечать.

— Я понимаю, что это быстро, — сказал он и посмотрел на часы, хотя спешить нам обоим было некуда, — но в здешнем ресторане хорошая рыба, а у меня столик на половину восьмого. Я был бы рад поужинать с человеком, который не спрашивает, чем облигации лучше акций.

Я сказала, что свободна, и мысленно поставила галочку. Проект шел по графику, причем с опережением на один день.

Когда прозвенел таймер и я перевернулась, мне на глаза попался мужчина за стойкой пляжного бара. Он сидел с чашкой кофе лицом к морю и за все время ни разу не взял в руки телефон. На пляже в сентябре это заметнее, чем если бы он стоял на голове. Я отметила его, как отмечаю в чужом отчете строку, которая ни с чем не спорит, но выглядит слишком аккуратно. Потом вернулась к Стасу и облигациям.

Второй раз я увидела его вечером в лобби. Я спустилась в двадцать пять минут восьмого, в платье, купленном для проекта по статье «одежда». Он сидел в кресле у колонны с газетой, которую не читал, и поднял глаза ровно в ту секунду, когда я проходила мимо, с паузой, выверенной заранее, как у докладчика. Только у дверей ресторана я поняла, что запомнила цвет его рубашки, хотя совсем не собиралась.

Стас пришел на пять минут раньше и уже стоял у столика, когда я вошла. Рыба действительно оказалась хорошей. Вино он заказал, спросив моего мнения, и ни разу меня не перебил.

— На вкладе сейчас можно получить больше, чем дает половина фондов, которые я анализирую, — сказал он, когда принесли рыбу, и поправил нож, лежавший не совсем параллельно тарелке. — ПИФы дерут непомерный процент за управление. Клиентам я так не говорю, а вам скажу, вы все равно проверите.

— Проверю, но не сегодня, — сказала я. — Сегодня у меня по плану ужин, а не сверка доходностей.

Нож он за вечер поправлял еще дважды, оба раза так незаметно, что я обратила внимание. Ужин был безупречен, как отчет, подготовленный к проверке: придраться не к чему, и перечитывать не хочется.

— Спасибо за прекрасный вечер, Вера, — сказал он у лифта и нажал для меня кнопку вызова. — Завтра я на пляже с девяти, и если захочется продолжить разговор, вы знаете, где меня искать, а если не захочется, я тоже пойму.

Двери лифта закрылись в половине десятого, минута в минуту. Пока кабина ехала на мой этаж, я честно попыталась понять, что чувствую, и нашла только легкую скуку. Ее я тут же переименовала в предсказуемость и записала в плюсы. Предсказуемости в мужчинах мне не хватало всю жизнь, начиная с того, кто учил меня писать пулю.

В номере меня ждало сообщение от Киры:

Ну что, как первый день? Только не говори, что ты уже кого-то оценила по критериям.

Я ответила, что кандидат найден, соответствует почти всем пунктам и проводил меня до лифта в половине десятого. Кира прислала строку восклицательных знаков, а следом еще одно сообщение:

В половине десятого, Вера. Это не свидание, это продленка.

Спать в такое детское время я не умею даже в Москве. Я взяла телефон и спустилась в бар, чтобы посидеть полчаса с бокалом белого и разобрать день, пока он свежий. Бар был полупустой: пара у стойки, компания у окна, решавшая, ехать ли завтра в горы. Я села за угловой столик, откуда виден весь зал: привычка от переговорных, где важно видеть и дверь, и лица.

Он сидел у стойки. Пляж, лобби, бар — третий раз за день. И каждый раз он выглядел так, словно его только что поставили на это место и поправили свет. Рубашка была правильная, белая, рукава закатаны как раз настолько, чтобы это выглядело небрежно. Улыбка, которой он ответил бармену, тоже была правильная, той самой ширины, при которой она кажется искренней, и только пальцы в эту картину не укладывались: подставку под стаканом он, не глядя, перевернул раз пять. Правило у меня простое, выведенное годами работы: одно совпадение — случайность, два — повод присмотреться, три — это уже система. Все это складывалось

в такую же гладкую картину, какую мне вчера показывал производитель пельменей, только у того она развалилась на четырнадцатой странице.

Я открыла в телефоне таблицу и нашла в «целях» вчерашнюю строку «курортный роман», под которой уже стоял Стас с одними плюсами. Ниже я завела еще одну строку. Подумала, как ее назвать, и написала слово, которым на проверках называю все, что не укладывается в модель: «аномалия». В соседней ячейке я начала перечислять, где его видела, и успела напечатать «пляж, лобби». Тут он поставил стакан на стойку, сказал что-то бармену и встал.

Мимо выхода и мимо компании у окна он шел через весь зал прямо к моему столику, не торопясь. Палец у меня так и остался на недописанной ячейке, курсор мигал после слова «лобби». Убирать телефон было поздно, экран он видел. Я взяла бокал, вспомнила, что допила его еще до того, как начала печатать, и все равно поставила его ровно на прежний мокрый круг на столе.

Глава 2 Артем. Сочи. 26 сентября

Аркадий Семенович вызвал меня в девять утра, и уже по времени я понял, что разговор будет о деньгах. О картах он говорит вечером, о людях за полночь, а утро у него отведено для бухгалтерии, в которой он, по собственному признанию, не понимает ничего. Кабинет у него на последнем этаже гостиничного комплекса, окна выходят на море и на парковку, и парковку он, по-моему, любит больше: на ней видно, кто к нему приехал. Когда я вошел, он сидел за столом над таблицей вероятностей, расчерченной от руки: сколько шансов, что придет нужная карта на флопе, на терне и на ривере, столбцы мелких карандашных цифр, выведенных много лет назад, когда он изучал покер. Так он думает. Кто-то ходит по кабинету, кто-то курит, а Профессор водит карандашом по цифрам, которые знает наизусть, и пересчитывает их в уме, словно проверяет, не изменилось ли что-нибудь в колоде за ночь.

— Садись, Артем, и не делай такое лицо, я тебя не ругать позвал, — сказал он, не поднимая глаз от листа. — У меня для тебя работа, причем такая, какой у тебя еще не было, и, если все сложится, последняя.

Последнюю работу мне предлагали раз пять, и каждый раз она оказывалась предпоследней. Неделю назад я в очередной раз пообещал себе уйти из игры. Обещание было твердое, я даже выбросил колоду, которую таскал в кармане куртки с весны, и купил новую только позавчера. Поэтому я сел, закинул ногу на ногу и стал ждать, чем он будет меня покупать.

В долги я влез сам, и винить тут некого. Профессор приводил ко мне игроков, я их раздевал, а потом проигравшему оставлял на такси, недобирал последний банк, иногда отпускал человека на середине вечера, потому что видел по рукам, что он играет на деньги, отложенные на что-то важное. Профессор свою долю получал с каждого банка, который я не взял, а значит, платил ее за меня я сам. За три года набежало столько, что я перестал считать. Вернее, считать я не перестал, память не позволяет, я просто перестал об этом думать. Платил я Профессору всегда в срок, даже в те месяцы, когда ненавидел его, потому что игрок, который тянет с долгом, за столом уже не игрок, а должник, и садятся с ним не играть, а получать.

Он протянул мне распечатку списка гостей с одной строкой, обведенной зеленым маркером. Москвичка, тридцать четыре года, заезд сегодня, выезд семнадцатого октября. Начальник отдела аудита в той самой консалтинговой фирме, которая перед большой сделкой проверяет гостиничный бизнес Профессора. Заключение по проверке в феврале, и подписывать его будет она.

— Бронь я увидел почти месяц назад и сначала решил, что мне показалось, — Профессор отложил листок и снял очки. — Потом навел справки. Мне от нее нужны не деньги, Артем, деньги у меня есть. Мне нужна ее подпись под чистым заключением, иначе банк не даст кредит, а без кредита сделки не будет.

— Так купите подпись, — сказал я, потому что это первое, что приходит в голову любому нормальному человеку. — Вы же всегда говорите, что у каждого есть цена, просто не все знают свою.

— У нее нет цены, я проверил, — он подвинул ко мне тонкую папку. — Долгов нет, ипотеку погасила досрочно, в казино не была ни разу в жизни, даже лотереи не покупает.

— Так не бывает, — сказал я, — у всех что-нибудь есть, хотя бы абонемент в фитнес, который человек оплатил и ни разу не сходил.

— Бывает, если человек всю жизнь проверяет других, — Профессор постучал пальцем по папке. — Я полвека смотрю на людей за столом и такого чистого досье не видел. Остается одно: она должна мне задолжать. А за стол она сама не сядет никогда, значит, нужен человек, который умеет усаживать за стол тех, кто не играет. Хорошего клиента случаю не доверяют, Артем, его делают.

Я открыл папку. Сверху лежала фотография с какого-то делового форума. Женщина в темном костюме у трибуны, волосы собраны так гладко, что ни одна прядь не посмела выбиться, взгляд в зал поверх очков. Ниже — ее отдел, ее должность, зарплата, примерная, но правдоподобная. Я листал и думал, что это самый скучный человек, которого мне когда-либо предлагали обыграть. Обычно Профессор приводил ко мне людей с азартом в глазах, с лишними деньгами и самоуверенностью. Таких видно с порога, и раздевать их почти не стыдно, потому что они сами за этим пришли. Здесь не было ни азарта, ни лишнего, одна ровная линия, как кардиограмма спящего. Легенду я выбрал там же, не выходя из кабинета: трейдер. Человек, который живет на цифрах, меньше всего похож на того, кто живет картами, и аудитору, подумал я, такая легенда должна понравиться больше остальных.

Тут Профессор назвал условие, и думать про скуку я перестал. Долг висел на мне с прошлой зимы, и честным путем я не отдал бы его и за десять лет. Этот долг он предлагал простить целиком, без всякой рассрочки. За одну подпись, которую поставлю даже не я.

— Как именно, решишь по ходу, — сказал он, пока я молчал. — Схему я тебе потом объясню, по частям, тебе целиком ни к чему.

— А если я не уложусь? — спросил я. — Три недели — это не так много, когда человек даже в лотерею не играет.

— Значит, уложишься в ее отпуск, другого срока у тебя нет, — сказал он спокойно, тем тоном, каким напоминают о сроке сдачи белья в прачечную. — Номер тебе дадут здесь же, в отеле, за мой счет, а то из твоего Дагомыса каждый день не наездишься, и она должна видеть тебя чаще, чем видит море.

На столе у него стояла фотография в старой деревянной рамке, повернутая к хозяину. Я видел ее только краем: море, кусок набережной, женщина в светлом платье, по прическе — начало девяностых. Сколько я хожу в этот кабинет, столько она там стоит, и ни разу я не видел ее лицом.

— Везет в картах тому, кому не везет в любви, — сказал Профессор, когда я согласился, и засмеялся собственной шутке. — Тебе, Артем, пока везет и там и там, вот ты и в долгах. Я не граблю. Я выигрываю. Учти, мне нужна подпись, которую я выиграю, а не украду, это разные вещи.

На пляже я сел в баре с чашкой кофе лицом к морю, а телефон оставил в кармане. Человек с телефоном выглядит занятым, а без него выглядит так, словно он кого-то ждет. Женщины замечают это раньше, чем ты сам успеваешь на них посмотреть. Это из той части ремесла, которую я учил долго и которую терпеть не могу, но работает она без осечек. За столом я давно слушаю то, что стоит за словами: как человек медлит перед ставкой, о какой карте молчит и о какой говорит слишком охотно. Через несколько лет так начинаешь слушать всех: официантов, соседей по лифту, себя самого, и уже не веришь, что кто-то может говорить просто то, что говорит.

Она пришла в одиннадцать. Москвичку видно издалека, даже если она в купальнике: по тому, как она несет сумку, по шагу, рассчитанному на асфальт. Эта несла ноутбук и договор аренды шезлонга, который читала на ходу. У выдачи полотенец она задала девушке какой-то вопрос. Девушка посмотрела на нее с таким изумлением, что я чуть не рассмеялся в кофе. Потом она сняла босоножки и пошла по гальке босиком. На третьем шаге она поморщилась так честно, что я перестал смеяться и начал смотреть.

Память у меня работает сама, я ее не включаю и не могу выключить. Она пила минеральную воду без газа, два стакана за два часа, лед не брала. Крем нанесла по таймеру, а когда таймер прозвенел, перевернулась, хотя загорать ей явно не хотелось. В ноутбуке у нее был открыт какой-то файл, и одну вкладку она открыла четыре раза, каждый раз что-то исправляла и закрывала. На море за два часа она посмотрела один раз. Я сидел и думал, что это либо

очень несчастный человек, либо очень смешной, и склонялся ко второму. Пока что меня это устраивало.

Потом с соседнего шезлонга к ней повернулся мужчина с планшетом, и все стало сложнее. Подтянутый, лет под сорок, с часами, которые стоят точно столько, сколько положено стоить часам финансиста, и ни рублем больше. Через пять минут она закрыла крышку ноутбука наполовину, через десять — слушала. Я видел, как она кивает, и мне не нужно было слышать разговор, чтобы понять, что происходит. Она сверяла его по какому-то списку, и он проходил по всем пунктам. Такие, как он, проходят по всем пунктам, это их единственный талант. Он ни разу не посмотрел на море, только в планшет и на нее, и смеялся всегда на полсекунды позже, чем она заканчивала фразу. Так смеются люди, которые сначала проверяют, была ли это шутка.

За столом это называется просто: у противника пришла карта. Хорошая, скучная карта, с которой не выигрывают крупно, но и не проигрывают. Я заказал второй кофе и стал думать, как играть против человека, который ничем не рискует. Обычно за столом я знаю, чего человек боится: проиграть, показаться жадным, уйти первым. Чего боится она, я не понимал. Похоже было, что она боится вообще всего, и поэтому заранее все посчитала.

В лобби я ждал ее с газетой. Газету я не читал, я смотрел на шаги: от лифта до колонны ей нужно было двенадцать, и на девятом я поднял глаза. Это тоже ремесло, пауза перед взглядом, отмеренная так, чтобы тот казался нечаянным. Она прошла мимо в синем платье, не замедлив шага, но у дверей ресторана один раз оглянулась, и я записал себе очко.

Из ресторана она вышла в половине десятого, и финансист проводил ее до лифта, как провожают до такси коллегу после корпоратива. Я подождал, сидя у стойки, и через двадцать минут она спустилась одна, с телефоном в руке. Села за угловой столик, откуда виден весь зал, и сразу уткнулась в телефон. Тогда я поставил стакан, сказал бармену, чтобы он сделал ей бокал того же белого, и пошел.

— Простите, что нарушаю ваше уединение, — сказал я, остановившись у ее столика с той улыбкой, которая обычно открывает мне двери, а иногда и кошельки. — Мы сегодня, кажется, весь день ходим одними маршрутами, и я подумал, что было бы невежливо и дальше делать вид, что мы друг друга не замечаем.

— Одними маршрутами ходили вы, а я ходила своими, — сказала она, не убирая телефона и глядя на меня так, как, наверное, смотрит на сомнительную проводку. — С одиннадцати до часу вы сидели в пляжном баре и за два часа ни разу не взяли в руки телефон.

— Я в отпуске, а в отпуске телефон, между прочим, вреден для зрения, — начал я, но она продолжала тем же ровным голосом, даже не сделав паузы:

— В двадцать пять минут восьмого вы читали газету в лобби и за все время не перевернули ни одной страницы. А теперь вы здесь, и, я уверена, только что заказали мне вино.

Бармен как раз поставил перед ней бокал. Она подвинула его на край стола, к салфетке, двумя пальцами, за ножку. Я уже открыл рот, чтобы назвать ее по имени-отчеству, которое знал из папки, и вовремя прикусил язык. Это была бы последняя ошибка за вечер, после которой она вызвала бы охрану, и была бы права.

— Хорошо, вы меня поймали, вы мне понравились еще на пляже, — я развел руками и сел напротив, раз уж меня не прогнали. — Вы единственный человек на этом курорте, который читает договор аренды шезлонга до конца, а такие люди попадаются раз в жизни.

— Тогда вы знаете про восьмой пункт и полотенце, — сказала она. — А чем вы занимаетесь, когда не следите за людьми, которые читают договоры?

— Отдыхаю, как все здесь, работа у меня такая, что от нее нужно иногда отдыхать.

— Какая именно работа? Вы сказали «такая», и это пока единственное слово, которое ничего не объясняет. Вы живете в этом отеле или приходите в этот бар из другого?

— Я консультант, если вам нужно слово для протокола, — сказал я, потому что это слово ничего не значит и годится на все случаи.

— По каким вопросам?

— По разным, в основном по тем, в которых люди не хотят разбираться сами, а юристу платить жалко.

— Тогда кто ваши клиенты, если вопросы у них разные? Частные лица, компании, гостиницы? — она чуть наклонила голову. — Вы выставляете счета или берете наличными, и если наличными, то кто у вас ведет учет?

На каждый мой уклончивый ответ у нее находился следующий вопрос, и каждый следующий рос из того, что я не договорил в предыдущем. Она не повышала голоса и ни разу не улыбнулась. Так налоговая разбирает декларацию, в которой не сходится одна строка, и я впервые в жизни почувствовал себя этой строкой. Длилось это две минуты, не больше. Потом она положила телефон экраном вниз и посмотрела на меня в упор.

— Пляж, лобби, бар, — сказала она. — Три совпадения у меня называются системой. Вы мне что-то продаете? Если таймшер, то сразу скажу, что я не покупаю недвижимость, которой владею две недели в году, а если криптовалюту, то тем более, этим у меня занимается другой отдел.

Я засмеялся, потому что больше ничего не оставалось. Сказал, что продаю только хорошее настроение и что оно сегодня, похоже, не в ее вкусе. Она вежливо со мной согласилась. Бокал так и стоял на краю стола нетронутый, когда я уходил.

Проигрывать я умею, это первое, чему учит стол. Но в этом проигрыше было что-то давно знакомое, неприятно детское, и узнал я это уже в коридоре. Пока ты выигрываешь, на тебя смотрят во все глаза. Стоит проиграть, и смотреть перестают, сразу, будто выключили свет. Она смотрела мне в спину, я это чувствовал, но так, как смотрят на закрытую папку.

Профессор не спит до двух, и в половине двенадцатого я застал его на террасе с чаем и все тем же листком. Я рассказал как было, ничего не приукрашивая. Приукрашивать перед ним бесполезно: ложь он видит так же, как крапленую карту, по крошечной неровности на краю.

— Две минуты, — повторил он и засмеялся, сначала тихо, потом в голос, так что официант в дверях оглянулся. — Тебя, Артем, раздели за две минуты, и ты еще жалуешься. Да я бы за такое зрелище сам заплатил. Ты подошел к ней со словами, а она живет цифрами. Такие не ведутся на слова. Такие ведутся на расчет.

— И что мне, приходить к ней с калькулятором? — спросил я, потому что злился, и злился сильнее, чем стоило злиться на работу. — Она меня уже записала в мошенники, Аркадий Семенович, причем в мелкие, которые продают таймшеры.

— Не с калькулятором, — Профессор сложил листок вчетверо и убрал во внутренний карман. — Дай ей что-нибудь посчитать. Задачу, которую она захочет решить сама. И выбрось все, что ты выучил про женщин, оно тебе здесь не пригодится. Времени у тебя три недели, это много, если не тратить его на улыбки.

— А финансист? — спросил я, потому что тот не шел у меня из головы весь вечер. — Он ее до лифта провожает, Аркадий Семенович, и она ставит ему галочки, я сам видел, как она кивала, у нее на лице было написано, что он ей подходит.

— Подходит, значит, будет мешать, — Профессор пожал плечами. — Финансисты играть не умеют, Артем, они умеют только считать волатильность и думают, что это одно и то же. Когда придет время, ты ей покажешь разницу. А пока не трогай его, пусть он ей наскучит сам, это у них хорошо получается.

Он допил чай и поднялся. Уже в дверях террасы он обернулся и посоветовал мне выспаться. Невыспавшийся игрок, сказал он, видит на столе то, чего там нет, а ему нужно, чтобы я видел то, что там будет.

Я шел к себе по набережной, мокрой после поливальной машины. Думал о том, что он прав и заготовки придется выбросить, что долг никуда не делся и что первый раунд я проиграл всухую. Но думал я об этом как-то вполуха. На самом деле меня занимало другое. Когда я уходил, она взяла телефон и что-то напечатала, быстро, не глядя на меня. Я помнил, как двигался ее палец, три коротких касания и запятая перед ними, но экрана не видел, и до самого отеля перебирал слова из трех букв, которыми аудитор могла бы назвать человека вроде меня. Ни одно мне не понравилось, а самое подходящее не понравилось больше всех.

Глава 3 Вера. Сочи. 27 сентября

Отчет по первому дню я написала в половине седьмого утра. Сидела на балконе с кофе из гостиничного чайника, в котором плавала накипь. Плечи у меня горели, хотя крем я наносила строго по таймеру. Отчеты я пишу всегда, даже если проверка неофициальная и читать их буду только я. Память приукрашивает, документ нет. В «целях» под строкой «курортный роман» теперь стояли два объекта. Объект «С»: соответствие критериям девяносто четыре процента, единственный минус — читает аналитику за ужином. Объект «А»: аномалия, вероятная цель — что-то продает, скорее всего, таймшер или криптовалюту, рекомендация — дистанция.

Ужин со Стасом я разобрала отдельно, и разбор вышел коротким. Он пришел вовремя, заказал рыбу, которая оказалась свежей, и сорок минут объяснял мне, почему корпоративные облигации лучше, чем вклады. Объяснял он хорошо, я даже узнала одну вещь, которой не знала. В половине десятого он проводил меня до лифта, нажал кнопку и больше ничего не попытался сделать. Я поставила ему плюс за надежность и зевнула так, что заслезились глаза. Зевоту я списала на ранний подъем.

Про бар я написала Кире еще ночью, коротко и по пунктам, и утром нашла ответ:

Аномалия — это и есть эмоции. Ты поехала за ними и бежишь от единственного, что их вызвало.

Я ответила, что от мошенников не бегут, от них уходят, предварительно сохранив переписку. Кира прислала смеющийся смайлик и голосовое на три минуты. Я включила его, пока одевалась, и пожалела уже на первой фразе.

— Слушай, только не убивай меня, но я перечитала твое сообщение, и там нет ни одного слова про то, что он тебе неприятен, — говорила Кира на фоне чего-то шипящего, похоже, она жарила сырники. — Там есть пляж, лобби, бар, рубашка, причем рубашка дважды, и что он заказал тебе вино. Вера, мошенникам не описывают рубашки. Их сдают в полицию и забывают. А ты его запомнила по минутам, и это, извини, называется по-другому, я даже не буду говорить как, ты сама знаешь.

Дальше было еще две минуты про сырники и про то, что Стас звучит как человек, с которым хорошо оформлять ипотеку. Я выключила голосовое на середине и пошла завтракать. Кира, как обычно, была права наполовину, и я так и не решила, на какую именно.

Экскурсию на чайные плантации я забронировала еще в Москве, это была первая из двух разрешенных бюджетом. Стас за завтраком узнал об этом и спросил, можно ли ему присоединиться, причем спросил тем тоном, каким просят разрешения подключиться к чужой конференции. Я разрешила. Кроссовки я взяла в Москве специально для этой экскурсии. Это было единственное решение за утро, о котором я потом ни разу не пожалела. В автобусе Стас сел у окна, открыл планшет и показал мне график экспорта чая за десять лет. Я смотрела на горы и думала, что график, в сущности, симпатичный, а горы ничего не объясняют, зато их не нужно понимать.

Мужчина из бара вошел в автобус последним, когда водитель уже закрывал дверь. Сел через проход и кивнул мне, как кивают соседу по лестничной клетке. Экскурсоводу он сказал, что билет купил вчера вечером, на тот же тур, что и я. Скрыть это он даже не попытался. Рубашка на нем была вчерашняя, белая, только мятая, с пятнышком на манжете, и это меня неожиданно успокоило: у идеальных людей рубашки не мнутся, а у мошенников тем более. Я отметила про себя, что для мошенника это непрофессионально, а для человека, который за мной следит, слишком откровенно, и обе версии мне не понравились.

Стас его не замечал, демонстративно и старательно, как не замечают официанта, который принес не то блюдо. Но на смотровой площадке экскурсовод сказала, что до верхней беседки ровно сто восемьдесят ступенек, и мужчина из бара повернулся к Стасу.

— Я бы поспорил, что их не сто восемьдесят, — сказал он легко, как предлагают сигарету. — Экскурсоводы округляют, это у них профессиональное, как у риелторов квадратные метры. Ставлю дегустацию на двоих, что их сто семьдесят шесть, а вы, если хотите, берите любое другое число.

— Сто восемьдесят, раз так написано на табличке, — ответил Стас с той снисходительностью, с какой отвечают на вопрос, ответ на который знает каждый. — Табличку, в отличие от экскурсовода, кто-то утверждал, и я предпочитаю данные догадкам.

Ступенек оказалось сто семьдесят шесть. Стас пересчитал их дважды, спускаясь и поднимаясь, и цифры сошлись. Дегустацию на двоих он купил молча и так же молча просидел ее всю, сжав губы. Я поймала себя на том, что смотрю на его сжатые губы с удовольствием, которое мне совсем не понравилось. Проигравшему полагается сочувствовать, тем более надежному активу. Пари было пустячным, но я поняла, что Стас его запомнит. А еще я заметила, что победитель за весь день не ошибся ни в одной цифре. Ни в цене дегустации, ни в высоте плантации над морем, ни в годе, когда здесь посадили первый куст. Экскурсовод дважды сверялась с ним, отложив свою бумажку. Свой выигрыш он, кстати, отдал мне и экскурсоводу, а сам пил воду из пластиковой бутылки. Когда я спросила, зачем было спорить на чай, который он не пьет, и откуда он знал про ступеньки, он пожал плечами.

— Я был здесь весной и пересчитал их, потому что иначе не умею: ступеньки, вагоны, окна в доме напротив, — сказал он и подвинул ко мне вторую чашку. — Ему было интересно, прав ли он, а мне — помню ли я их до сих пор, так что выиграли мы оба, просто он об этом пока не знает. Попробуйте вот этот, с чабрецом, он лучше, чем тот, который хвалила экскурсовод, она хвалит тот, который дороже.

На обратном пути Стас ушел вперед, к экскурсоводу, обсуждать экспортные пошлины, и сиденье рядом со мной опустело. Мужчина из бара пересел на него так естественно, что я не успела ни возразить, ни удивиться, и, едва сев, достал из кармана монету и пустил ее по костяшкам пальцев, туда и обратно, не глядя, как гоняют четки. Я решила, что лучшей возможности не будет, и взяла его в оборот, как беру клиента, который уже один раз соврал.

— Давайте начнем с простого, — сказала я, повернувшись к нему всем корпусом, чтобы видеть лицо и руки. — Как вас зовут, где вы живете и почему вы второй день подряд оказываетесь там, где я, хотя вчера вы мне обещали, что ничего не продаете?

— Артем, — он протянул руку, и я ее пожала, потому что не пожать было бы невежливо, и назвала свое имя, хотя подозревала, что он его уже знает. — Живу в Сочи, хотя родился не здесь, а хожу за вами потому, что хочу ходить за вами. Вы спросили прямо, и я отвечаю прямо: на этом курорте вы единственная, кого нельзя предсказать, а все остальные мне давно понятны.

— Меня как раз предсказать очень легко, я живу по плану, который у меня расписан в таблице, — сказала я и тут же пожалела, что сказала это вслух. — А вы вчера весь день ходили за мной, и мне хотелось бы знать, по чьему поручению и с какой целью.

— По своему, — сказал он, и монета у него в пальцах остановилась. — Цель у меня самая глупая из возможных: мне интересно, что вы сделаете дальше. Я обычно знаю, что люди сделают дальше, это у меня что-то вроде профессиональной болезни, а про вас не знаю, и мне это нравится больше, чем следовало бы.

Я записала бы этот ответ в графу «манипуляция», если бы он не прозвучал так буднично. Манипуляторы говорят красивее и смотрят в глаза. Он смотрел на монету.

— Хорошо, допустим, — сказала я. — Чем вы занимаетесь? Только не говорите «консультациями», вчера вы так и не смогли объяснить, кого и по каким вопросам консультируете.

— Работаю с вероятностями, — сказал он и улыбнулся. — Считаю, что скорее случится, а что вряд ли, и иногда на этом зарабатываю, а иногда, честно скажу, теряю, как все, кто этим занимается.

Трейдер, решила я. Это объясняло все сразу: цифры в голове, деньги без офиса, отпуск, который у него, похоже, не кончается. Объясняло и то, что на вопрос «где вы работаете» он не может ответить одним словом. Он не стал меня поправлять, и я засчитала это как подтверждение. Позже я узнаю, что молчание не подтверждает ничего, но тогда мне хотелось, чтобы хотя бы одна строка в его графе наконец закрылась.

— Тогда почему трейдер за два дня ни разу не взглянул в телефон? — спросила я. — У меня среди клиентов трое трейдеров, и все трое отвечают на звонки даже на похоронах.

— Рынок по выходным закрыт, а в выходные я тренирую силу воли, — сказал он. — Как видите, успешно, хотя вы мне сильно мешаете.

— Хорошо, тогда скажите, какая у вас сейчас позиция, без цифр, просто направление: вы покупаете или продаете?

— Сейчас я покупаю время, — ответил он без запинки, — и пока, честно говоря, не прогадал.

Ответ был готов заранее, и я отметила, что эту ловушку он видел еще от двери. Он выкручивался так остроумно и при этом так подозрительно честно, что я теряла нить. Пока мы говорили, его руки ни секунды не лежали спокойно: монета то ходила по костяшкам, то пряталась в кулаке, а когда он задумывался над ответом, пальцы хватали пакетик сахара, оставшийся с дегустации, и мяли его, пока не надорвали.

— Вчера вы сказали, что не покупаете недвижимость, которой владеете две недели в году, а криптовалюту тем более, — сказал он вдруг, слово в слово, с моей интонацией. — Я подумал, что это лучшая фраза, которую я слышал на этом курорте, и что я хочу знать, что вы еще не покупаете.

И засмеялся. Смех у него был короткий, с придыханием в начале, как будто он сам удивился тому, что ему смешно. Мне стало не по себе, потому что этот смех я уже где-то слышала, а где именно, вспомнить не смогла. Я открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, и поняла, что следующего вопроса у меня нет. Я не знала, что ответить человеку, который сидит напротив, а со мной такого не случается даже на защите отчета. Самое неприятное было в том, что мне это нравилось.

Спас меня Стас, который вернулся от экскурсовода с цифрами по экспортным пошлинам и обнаружил свое место занятым. Артем встал сразу, без всякой неловкости, и уступил ему сиденье с поклоном, которым в старых фильмах уступают даме.

— Возвращаю вам вашу соседку в целости, — сказал он Стасу и подмигнул мне, отчего мне захотелось его ударить. — Мы тут обсуждали недвижимость, но так ни до чего и не договорились, она очень придирчивый покупатель.

Стас сел, поправил ремень сумки на плече и до самого отеля рассказывал мне про пошлины. Я кивала в нужных местах. Все это время я чувствовала затылком, что через проход кто-то крутит монету, хотя звука не было никакого.

Вечером я гуляла по набережной одна, по плану, сорок минут перед сном. У старого пирса собралась компания местных парней, громкая и веселая, и среди них я увидела Артема. Он стоял на самом краю, у таблички «Прыгать запрещено», босиком и в мокрых шортах, и о чем-то спорил, судя по жестам, о деньгах.

Я остановилась. Внизу была черная вода, и сколько там глубины, не знал, по-моему, никто из спорящих. Он поднял руку, парни засвистели, и он прыгнул, легко и некрасиво, ногами вперед, просто шагнул с пирса в темноту. Пока он был под водой, я успела достать телефон и набрать «112». Палец уже лежал на зеленой кнопке, когда он вынырнул метрах в

пяти и засмеялся, отплевываясь, тем самым смехом из автобуса. Он увидел меня и помахал рукой из воды.

— Вода теплая, Вера, честное слово, теплее, чем в бассейне, и глубина тут нормальная, четыре метра, я проверял еще в прошлом году! — крикнул он, и парни на пирсе захохотали.

— В прошлом году здесь, наверное, тоже висела табличка, — ответила я, не повышая голоса, но он услышал. — Табличку вешают потому, что кто-то уже прыгал до вас, и кончилось это иначе.

Я стерла номер и пошла дальше, не оборачиваясь, с таким ровным лицом, какое бывает у меня на защите отчета. Руки у меня при этом тряслись так, что телефон я убрала в сумку только со второго раза. До отеля было семьсот шагов, я их сосчитала, чтобы думать о чем-нибудь, кроме черной воды и того, как долго он под ней пробыл. Вышло около десяти секунд, хотя мне показалось, что минута. Четыре метра, которые он «проверял в прошлом году», проверить я не могла, а непроверенную цифру я не принимаю ни от кого, тем более от человека, который ради спора шагает в темную воду. Я не знала, что хуже: что он сделал это ради денег или что просто потому, что можно.

Ночью в номере я делала то, что делаю всегда, когда не могу уснуть: считала. Стас — надежный актив, доходность низкая, но предсказуемая. С ним будут ужины в половине восьмого, лифт в половине десятого и ни одной эмоции, ради которых я, собственно, сюда и ехала. Объект «А» — актив с высокой доходностью и такой волатильностью, к какой я не купила бы даже ОФЗ. Однако волатильность можно ограничить, если ее оформить. Двенадцать лет я объясняю людям, что опасна сделка без документа. Если у нее есть срок, условия и порядок выхода, ее можно контролировать. Тренажер, сказала я себе, прививка, контролируемая доза: две недели, после которых я вернусь в Москву человеком, который хотя бы знает, что это такое. Мама сказала бы, что я сошла с ума. Кира сказала бы, что наконец-то. Отец, наверное, сказал бы, что это готовое дело, и предложил бы войти в долю.

Стаса я при этом вычеркивать не собиралась. В любом портфеле должен быть надежный актив, который держит общую стоимость, пока рискованный скачет. Стас будет ужинать со мной по графику, Артем будет тренажером по договору, и, если тренажер сломается, у меня останется то, с чем я приехала. Схема получалась изящная. Мне всегда нравились изящные схемы, хотя опыт подсказывал, что именно в них обычно и прячут убыток.

Я открыла ноутбук и создала новый документ. Набрала заголовок заглавными буквами, как набираю заголовки всех документов, которые потом придется подписывать, и под ним первую строку. Слово «ДОГОВОР» стояло посреди пустой страницы, а курсор мигал после строки «Срок действия: две недели». Я сидела и смотрела на него, пока ноутбук не ушел в спящий режим, а потом разбудила его и начала второй пункт, заранее зная, что до утра переставлю его еще не раз.

Глава 4 Вера. Сочи. 28 сентября

Распечатать договор в отеле оказалось сложнее, чем написать. Бизнес-центр открывался в восемь, принтер в нем жевал бумагу, а администратор, увидев мои два листа, спросила, не завещание ли это. В восемь двадцать у меня в руках были два экземпляра, по две страницы каждый, еще теплые. В восемь тридцать я позвонила Кире по видеосвязи, потому что договор, который не читал никто, кроме автора, я не подписываю даже с собой.

— Покажи, — сказала Кира хриплым утренним голосом и надела очки, которые носит только дома и только при мне. — Нет, не показывай, читай вслух, я хочу слышать, как ты это произносишь, у меня сегодня и так тяжелый день, мне нужно что-то хорошее с утра.

Я прочитала: срок действия — две недели, с двадцать восьмого сентября; отношения без обязательств; без денег, расходы пополам; конфиденциальность; любая сторона может выйти из договора досрочно, предупредив другую. И последний пункт, шестой, которым я гордилась больше всего, потому что придумала его сама и сразу: не врать друг другу. Пункт про обязательства стоял вторым. В черновике он был пятым, но в половине третьего ночи я переставила его наверх. На пятом месте он выглядел как оговорка, а на втором — как условие.

Кира молчала так долго, что я решила, что пропала связь.

— Ты выписала себе мужика по ГОСТу, — сказала она наконец и сняла очки, чтобы вытереть глаза, и я не поняла, от смеха или нет. — Вера, я тебя люблю, ты лучшее, что есть в моей жизни после кофе, но ты понимаешь, что ты сейчас сделала? Ты пошла за эмоциями и взяла с собой юриста.

— Юриста я с собой не брала, я все написала сама, и юридически там есть слабые места, — ответила я. — Например, порядок разрешения споров не прописан вообще, но я подумала, что суд по такому договору будет выглядеть странно, и решила обойтись.

Кира посмеялась десять секунд, потом попросила прочитать еще раз, по пунктам, с номерами. На этот раз она слушала молча, подперев щеку кулаком, и на пункте о досрочном выходе сказала «ага». На пункте «не врать» сказала «ага» еще раз.

— Знаешь, что смешно, — сказала она, когда я закончила. — Каждый твой пункт — это кто-то, кто от тебя ушел. Вот этот, про обязательства, — это твой экономист, который через полгода заговорил про переезд. А вот этот, про выход, — это ты, чтобы уйти первой. Я не спорю, подписывай, только знай, что я вижу.

Я сказала, что экономист тут ни при чем и что пункты взяты из типовой практики. Кира сказала «конечно» тем голосом, каким говорят «конечно» детям, которые уверяют, что не ели варенье. Связь я разорвала первой, вежливо сославшись на занятость.

Он ждал меня в кафе на набережной, которое выбрал сам, потому что я написала ему только «Нам нужно поговорить» и время. Номер его телефона у меня был со вчерашнего дня: он продиктовал его в автобусе, а я записала, не сказав, зачем. Кафе было из тех, где столики стоят прямо на плитке, а зонтики сделаны под тростник. Он сидел лицом к морю, с чашкой кофе, и опять без телефона на столе. Руки у него и здесь не лежали спокойно: он складывал из бумажной салфетки что-то маленькое и острое, разворачивал и складывал снова.

— Это договор, — сказала я и положила распечатку на столик между его кофе и моим стаканом воды, ровно посередине, как кладут документы на подпись, когда хотят, чтобы обе стороны чувствовали себя равными. — Две недели, без обязательств, без денег, расходы пополам, и я бы попросила прочитать до конца, а не только первый абзац, как обычно делают мужчины.

— Мужчинам обычно не приносят договоров на свидание, — ответил он, но лист взял и даже развернул к свету. — «Без обязательств» у вас вторым пунктом. Вы его нарочно поставили так высоко, чтобы я не успел испугаться?

Читал он быстро, не шевеля губами, и на втором пункте у него дрогнул уголок рта. Я это заметила и не подала виду.

— Я поставила его туда, где он логически должен стоять, — сказала я, и это была правда, хотя и не вся. — Если вам что-то не подходит, это можно обсудить, для того договоры и пишут, и я готова выслушать ваши замечания по каждому пункту.

Замечания у него нашлись. Торговался он легко, со смехом, по каждому пункту, как торгуются на восточном базаре, из одного удовольствия. Он попросил, чтобы свидания назначались по согласию сторон, без графика. Я уступила, потому что согласие все равно оставалось за мной. Он попросил, чтобы в пункте о конфиденциальности было исключение для одного человека с каждой стороны. Я вспомнила Киру и тоже уступила. Еще он попросил право на один вопрос в день.

— Один вопрос, на который другая сторона обязана ответить честно и полностью, без «это сложно» и «давайте потом», — сказал он, постукивая пальцем по полю распечатки. — Не чаще раза в сутки, иначе это будет допрос, а допросы, как я вчера убедился, вы проводите лучше меня, и я хочу хотя бы раз в день быть на вашем месте.

— Это право получает и вторая сторона, то есть я, и счет ведется отдельно, неиспользованные вопросы на следующий день не переносятся, — сказала я, потому что формулировки нужно закрывать сразу, пока их не начали толковать. — Если вы согласны на такую редакцию, я впишу.

Он согласился так быстро, что мне надо было насторожиться. Все это казалось мне мелочами, и я записывала его поправки на полях с чувством победителя, которому дали в шахматах фору в несколько пешек.

На третьем пункте, «без денег», он торговаться не стал вообще.

— Этот принимаю сразу и целиком, — сказал он, и смех из него разом ушел. — Денег у женщин я не беру, ни в каком виде, ни в долг, ни за ужин, ни под расписку, и лучше нам договориться об этом сейчас, чтобы потом не возвращаться.

Я кивнула, хотя мне показалось, что за этой фразой стоит какая-то история, которую мне знать не положено. Потом мы дошли до шестого пункта. Он прочитал его и замолчал. Пауза была короткая, меньше чем на вдох, но я двенадцать лет слушаю, как люди молчат, когда видят в акте сверки неудобную строку. Я решила, что он прикидывает, где ему придется привирать, и мысленно поставила рядом с его фамилией, которой я так и не знала, вопросительный знак.

— «Не врать друг другу», — прочитал он вслух. — Хороший пункт, сильный, Вера Игоревна, — он нашел мое отчество в шапке договора и произнес его с явным удовольствием, — и, как я понимаю, он касается обеих сторон?

— Касается, и я начну первой, чтобы вы не думали, что он только для вас, — сказала я. — Параллельно я рассматриваю другого кандидата. Он живет в этом же отеле и вчера был с нами на экскурсии, вы с ним спорили о ступеньках. Я не обещаю, что перестану с ним видеться, и мне кажется честным сказать вам об этом до подписи.

Он рассмеялся, и я опять услышала этот смех с придыханием в начале, который никак не могла никуда пристроить.

— Конкуренция полезна для рынка, — сказал он и посмотрел на меня с откровенным удовольствием. — Спасибо, что сказали, теперь я хотя бы знаю, с кем соревнуюсь, хотя, если честно, я и так догадывался: он смотрел на меня на плантации, как бухгалтер на перерасход.

Он положил лист обратно, разгладил ладонью сгиб и посмотрел на меня так, как смотрят на человека, пришедшего в казино с калькулятором, — с интересом и с жалостью одновременно, и я сразу решила, что жалость мне показалась.

— Подходит все, кроме одного, — сказал он. — Тут нет ни слова про игру. Вы расписали, где мы ужинаем, сколько длится свидание и кто платит за такси, а про то, ради чего вообще заводят курортные романы, забыли. Давайте допишем: раз в неделю одна игра на выбор второй стороны. Я ведь вторая сторона?

— Вы предлагаете внести в договор азартные игры, — сказала я тем голосом, каким на совещании переспрашиваю финансового директора, правильно ли я поняла, что убыток он хочет показать в следующем квартале. — Я верно понимаю, что речь идет именно об этом?

— Я предлагаю внести в договор игру, а какую, решим потом, — он улыбнулся, и улыбка вышла не та, отрепетированная, которую я видела в баре, а кривоватая, как у человека, который сам не ожидал, что ему будет так весело. — Любовь — игра, покер — игра. Познав одно, познаешь другое.

Я посчитала, прямо там, глядя на море поверх его плеча. Игра разовая, раз в неделю, значит, за две недели максимум две. Ставки можно ограничить, это я впишу отдельно. Отказаться можно в любой момент по пункту о выходе. Получалось, что стоп-лосс известен заранее, а все, у чего известен лимит потерь, я подписать могу. Я достала ручку и вписала седьмой пункт. Ниже приписала: «Ставки — по согласованию, в пределах бюджета проекта».

Подписал он сразу. Не задал ни одного вопроса по существу, не попросил времени подумать, не перечитал. Просто взял мою ручку, расписался на обоих экземплярах и вернул ее колпачком вперед. Потом посмотрел на мою подпись внизу второй страницы, короткую, с одним росчерком.

— Подпись у вас как у человека, который подписывает много и ни разу не пожалел, — сказал он, и мне показалось, что смотрит он на нее дольше, чем смотрят на чужую подпись из простого любопытства.

А то, как подписал он сам, сразу и ни разу не перечитав, я отметила по привычке, раньше, чем успела об этом подумать: так легко подписывают договоры два типа людей — те, кто очень доверяет, и те, кого договор не свяжет, — и ко вторым у меня на работе особые процедуры. Но я была не на работе. Экземпляр с его подписью лежал у меня в сумке, и это было приятно, как бывает приятно закрыть сделку в пятницу вечером.

Регламент первого свидания я отправила ему днем, в сообщении: ужин с девятнадцати до двадцати одного, ресторан на набережной, темы для разговора — образование, работа, планы. Ответ пришел через минуту, и в нем было одно слово:

Принято.

Он пришел в девятнадцать ноль-ноль, минута в минуту, и я подозреваю, что ждал за углом. Сел, положил перед собой распечатку регламента, которую где-то сделал сам, и разгладил ее ладонью.

— Пункт первый, образование, — объявил он голосом конферансье и поднял на меня глаза. — Предлагаю начать с вас, у вас, я уверен, оно лучше и его больше, а я потом расскажу свое, если вы не уснете. Регламент не уточняет, сколько минут на каждую тему, поэтому я предлагаю по двадцать, с перерывом на горячее.

Так оно и пошло. Он засекал время на моих же часах, которые попросил положить на стол. На смене темы он вставал, обходил стол и садился обратно, «чтобы обозначить переход». Когда я спросила его о работе, он сверился с регламентом. Тема заявлена, сказал он, но порядок раскрытия не определен, поэтому он раскроет ее кратко: вероятности, иногда везет. Я прикусила щеку изнутри, чтобы не улыбнуться.

На «планах» он достал ручку и попросил разрешения задать уточняющий вопрос.

— Регламент не уточняет, о каких планах речь: на вечер, на отпуск или на жизнь, — сказал он с таким серьезным лицом, что официант, принесший горячее, замер с тарелками. — Если на вечер, то они у меня совпадают с вашими до двадцати одного ноль-ноль, а дальше

регламент молчит. Если на жизнь, то двадцати минут нам не хватит, а переносить тему на следующее свидание, насколько я понимаю, нельзя без письменного согласия.

— Планы на отпуск, — сказала я и тут же поняла, что это ловушка.

— Тогда у меня один пункт, и он уже выполняется, — ответил он и спокойно вернулся к рыбе.

А еще до того «образование» вывело нас туда, куда я не планировала. Он сказал, что в школе решал олимпиадные задачи, пока остальные гоняли мяч во дворе, и сказал это мимоходом, между рыбой и хлебом. Я ответила, что я тоже. У меня была толстая тетрадь в клетку с задачами из сборника для поступающих, и я решала их летом на даче, пока соседские дети купались. Он спросил, какой был сборник. Я назвала. Он назвал номер задачи, которую никто в его классе не решил. Это оказалась та самая задача про поезд и муху, над которой я плакала в одиннадцать лет, пытаясь сосчитать, сколько раз муха успеет долететь от одного поезда до другого. Мы оба замолчали. Это было странное молчание, совсем не неловкое. Так молчат люди, выросшие на соседних улицах и встретившиеся через тридцать лет в чужом городе.

— Вы ее решили? — спросила я, хотя по регламенту тема образования уже закончилась минуту назад.

— Решал три дня: расписал все ее перелеты и сложил бесконечный сходящийся ряд, исписав полтетради, — ответил он и посмотрел на часы, мои часы, лежавшие между нами. — А учитель показал, что поезда встречаются через час и муха весь этот час просто летит, так что ответ получается в одну строку, и мне стало так обидно, что я никому не сказал. Время по образованию вышло, Вера, переходим к работе, вы же сами так написали.

Ровно в двадцать один ноль-ноль он встал и поблагодарил меня за содержательную встречу. Пожал мне руку, как партнеру по переговорам, и ушел, не оглянувшись. Расходы пополам он посчитал сам, в уме, быстрее, чем официант принес терминал, и свою половину оставил наличными, до рубля. Я осталась сидеть над недопитым чаем. Вслух я не смеялась, ни разу за весь вечер. Но всю дорогу до отеля я злилась. Мне было весело, а весело мне быть не должно было: это не входило в регламент.

Сообщение пришло без четверти двенадцать, когда я уже выключила свет:

Проверьте пункт 2. кажется, я его уже нарушаю.

Я включила лампу, достала из сумки договор и прочитала второй пункт, хотя знала его наизусть. «Отношения без обязательств». Потом выключила лампу и долго лежала, глядя в потолок, и думала о том, что по договору отвечать на такое сообщение я не обязана. По пункту о честности, наверное, должна. И что ни одного честного ответа, который можно было бы отправить, у меня нет.

Глава 5 Вера. Сочи. 29 сентября — 1 октября

Второе свидание я готовила три дня, если считать ночь перед договором. Столик в рыбном ресторане на набережной был заказан на половину восьмого, у окна, с видом на закат. По прогнозу закат начинался в девятнадцать пятьдесят две, и я проверила прогноз дважды, утром и в обед. Темы я расписала заново, с учетом прошлых ошибок: путешествия, книги, детство без олимпиад. Платье я надела шелковое, светлое, купленное в Москве по статье «одежда» специально для этого вечера. План я отправила ему в обед, как и в прошлый раз.

Он пришел вовремя, сел, поздоровался и протянул руку ладонью вверх.

— Покажите мне план, пожалуйста, только целиком, с приложениями, — сказал он тем деловым тоном, каким, наверное, я сама прошу у клиента первичку. — Я его вчера читал на телефоне, и мне показалось, что там есть нарушения, но на маленьком экране я мог ошибиться, а обвинять вас в нарушениях без документов я не хочу.

Я дала ему распечатку, потому что все еще думала, что он шутит. Он достал ручку и начал читать, по пунктам, и на полях появились пометки.

— Пункт первый, ресторан, — он постучал ручкой по строке. — Нарушение: в этом ресторане рыбу привозят замороженную, я знаю повара.

— Вы знаете повара в каждом ресторане Сочи или только в тех, которые выбрала я? — спросила я.

— Только в хороших, а этот слывет хорошим, — сказал он и перешел к следующей строке. — Пункт второй, закат: по прогнозу он в девятнадцать пятьдесят две, но из этого окна его не видно, его закрывает пирс, вы проверяли? Пункт третий, темы для разговора. Нарушение существенное: в списке нет ни одной темы, на которую вам самой было бы интересно говорить, я это вижу по тому, как они сформулированы. Предлагаю устранить. Тут в двух кварталах есть место, где пекут хачапури, и закат оттуда видно с пляжа целиком. Пойдемте, пока он не начался без нас.

Вот тут я и взорвалась. Не громко, я вообще не умею громко, но так, что официант, шедший к нашему столику с меню, развернулся и ушел обратно.

— Я три дня строила этот вечер, — сказала я так холодно, что сама себя не узнала. — Я выбирала ресторан по отзывам, я смотрела время заката, я писала темы, чтобы нам не пришлось молчать, потому что в прошлый раз мы молчали, и я потом полночи думала, хорошо это или плохо. Вы взяли мой план и за четыре минуты сделали из него посмешище, и при этом вы, видимо, уверены, что оказали мне услугу.

— Оказал, — сказал он, и смеха в нем не было совсем. — Вы и этот вечер сейчас проверяете, Вера, сидите и ищете, где у него не сходится, и, кажется, уже нашли: это я.

— Я проверяю то, что сама подготовила, и в моей профессии это называется ответственностью, а в вашей, видимо...

— А он и не сойдется, — перебил он и положил ручку поверх распечатки, — потому что он общий, в нем есть еще я, а меня в ваших таблицах нет и не будет, сколько бы строк вы под меня ни завели.

Мы смотрели друг на друга через стол, и я впервые увидела, что он злится. Злился он не так, как злюсь я, холодея и перечисляя, а так, как горит сухая трава: сразу и весь. Мне захотелось уйти, и я даже взялась за сумку. А потом подумала, что если уйду, то он окажется прав, и я буду знать это всю ночь.

— Хорошо, — сказала я, вставая. — Ведите меня к вашим хачапури, но если закат с пляжа не видно, я этот вечер вам не засчитываю.

Закат с пляжа было видно целиком. Хачапури нам отдали в бумаге, горячими, и есть их пришлось на гальке, руками, потому что вилок там не давали в принципе. Есть руками

красиво я не умею. Я поняла это на первом же куске, когда масло потекло по запястью, а сыр потянулся нитью от губ до самого подола. Шелковое платье было светлое. Он ел рядом совершенно спокойно, разламывал лодочку, макал корку в желток, и ему было все равно, как он выглядит. А мне не было все равно, и это открытие испугало меня сильнее, чем пятно на шелке. Мне было важно, как я выгляжу в его глазах.

Он протянул мне салфетку, ничего не сказав. Салфетку я взяла, тоже молча, и минут пять мы ели и смотрели, как солнце садится в воду, ровно туда, куда оно садится на всех открытках.

— Платье жалко, — сказал он наконец, глядя на море, а не на меня. — Оно красивое, и вам в нем хорошо, я это еще в ресторане хотел сказать, но вы тогда были заняты тем, что меня ненавидели. Пятно отстирается, если сразу засыпать солью, я серьезно, я однажды так спас рубашку после вина.

— Я вас не ненавидела, я была возмущена нарушением договоренностей, это разные вещи, — ответила я и вытерла пальцы. — И не надо меня утешать, я прекрасно знаю, как я сейчас выгляжу, у меня сыр на подбородке, и вы на него смотрите уже минуту.

Он засмеялся и стер сыр пальцем, так быстро, что я не успела отстраниться. Потом мы шли обратно по набережной, и я молчала и злилась. Злилась на его фонтан, который нельзя заткнуть: он вспыхивает от ерунды, говорит все, что думает, и через пять минут уже смеется, как будто ничего не было. Так жить нельзя, думала я. Так жить нельзя, а он живет, и, судя по всему, ему хорошо. Пятно я дома засыпала солью. Оно отстиралось.

Про хачапури я Стасу ничего не рассказала, а он пригласил меня в дендрарий на следующий день, к десяти утра, и пришел без пяти десять. Все было по графику: южная часть парка до обеда, северная после, фуникулер между ними. Стас был пунктуален и внимателен, носил за мной бутылку воды и знал латинские названия трех деревьев, которые прочитал на табличках раньше меня. На скамейке у пруда он открыл планшет.

— Хотите, покажу вам свой портфель? — спросил он с той интонацией, с какой другие мужчины предлагают показать фотографии из армии. — Я его никому не показываю, но вы аудитор, вам можно, и мне, честно говоря, интересно мнение профессионала.

— Только если вы не обидитесь на замечания, я их пишу даже друзьям, — сказала я.

— На замечания профессионала не обижаются, на них зарабатывают, — сказал он и развернул ко мне экран. — Диверсификация по трем осям, три года работы, максимальная просадка от пика к дну по закрытию дня — четыре и восемь десятых процента. Не «пять», а четыре и восемь десятых. Разница кажется вам незначительной ровно до того момента, когда она перестает ею быть.

Он показал мне портфель целиком, со всеми позициями. Пока я смотрела, он пошутил про биржу, и я засмеялась из вежливости, а он засмеялся следом, на полсекунды позже меня. Я заметила это еще за ужином и тогда не придала значения. Теперь поняла: он сначала проверяет, была ли это шутка, и только потом смеется, как сверяют подпись с образцом. Портфель был аккуратный, без перекосов, и я сразу заметила одну позицию, которая с весны потеряла почти треть. Об этой позиции он говорить не стал, пролистнул ее быстро, с тем лицом, с каким перелистывают неудачную фотографию.

Где-то между южной частью и северной я проверила телефон, а потом еще раз, у фуникулера. Потом в кафе, где Стас рассказывал о дивидендах, я положила телефон на стол экраном вверх и увидела, что Стас это заметил. К обеду я поняла, что весь этот безупречный день жду сообщения от другого человека. Сообщение не пришло. Я написала Кире, что дендрарий прекрасен, а Стас внимателен, и через минуту получила ответ:

У тебя хедж интереснее основного актива. Признай уже.

Я не признала. Я написала, что хедж для того и существует, чтобы держать его в стороне, и убрала телефон в сумку, на самое дно. Стас тем временем увидел у выхода из парка Артема,

который покупал мороженое у ларька, и кивнул ему через всю аллею. Кивок был безупречно вежливый, из тех, какими встречают в лифте курьера. Так держатся с человеком, в котором не видят угрозы.

— Ваш знакомый из автобуса, — сказал Стас, когда мы вышли за ворота, и в голосе у него было сочувствие, которое ему очень шло. — Я таких видел на работе: много обаяния, много разговоров, а что за этим стоит, обычно выясняется позже, чем хотелось бы. Вы, конечно, сами разберетесь, вы профессионал, просто будьте осторожны.

Я поблагодарила за заботу. Подумала, что Стас ошибается, а потом подумала, почему я так подумала, и думать на эту тему перестала до самого вечера.

В тот же вечер, в одиннадцатом часу, Артем написал:

Вы когда-нибудь купались ночью?

Я ответила, что нет и не собираюсь. Через двадцать минут я стояла на пустом пляже в купальнике под платьем и перечисляла ему причины, по которым в ночное море заходить нельзя.

— Течения, которых не видно, — загибала я пальцы, стоя у самой кромки, куда доходила пена. — Медузы, которых тоже не видно. Темнота, в которой не понять, куда плыть, если тебя развернуло. И переохлаждение, потому что в конце сентября вода ночью на несколько градусов холоднее, чем днем, я смотрела. Мне продолжать или этого достаточно?

— Достаточно, вы меня убедили, плавать мы не будем, — сказал он серьезно и снял футболку. — Предлагаю компромисс. До колена. Течений там нет, медузы у берега не живут, темноту видно, а колено от переохлаждения еще никто не умирал, я узнавал.

Я зашла по колено. Вода была теплее воздуха, черная, с белой пеной у ног, и камни под ступнями были гладкие и скользкие.

— Теперь до пояса, — сказал он из темноты, стоя уже глубже. — Это не я придумал, это у меня вопрос дня, по договору, вы обязаны ответить честно и полностью. Вопрос такой: вам сейчас страшно или хорошо?

Я хотела сказать «страшно», потому что это было бы честно. А потом поняла, что честно было бы сказать «хорошо», и шагнула вперед, до пояса, и дальше, и вода сомкнулась над плечами, и я засмеялась. Засмеялась громко, некрасиво, во весь голос, так, как не смеялась, наверное, со школы. Звук был такой незнакомый, что я сама его испугалась и закрыла рот ладонью, мокрой и соленой. Артем стоял в воде рядом и смотрел на меня так, словно я сделала что-то очень важное, о чем он давно знал.

Он подошел совсем близко. Я видела в темноте его лицо, мокрые ресницы и каплю на подбородке, и чувствовала, что он сейчас меня поцелует, и не знала, что сделаю. А он остановился. Постоял, отвел с моей щеки мокрую прядь и отступил на шаг. Ни слова не сказал, просто повернулся и поплыл к берегу.

Мы долго сидели на гальке, пока у меня не застучали зубы, и говорили о неважном, о медузах и о том, что соль на губах держится до утра. Потом у него зазвонил телефон, который он оставил на футболке. Экран светился в темноте, и я, выходя из воды, прочитала две буквы с точками: «А. С.». Он посмотрел на экран и сбросил вызов. На одно мгновение лицо у него стало чужим, жестким, как у человека, которому напомнили о счете, о котором он хотел забыть. Потом он улыбнулся, протянул мне полотенце и спросил, засчитываю ли я вечер. Я засчитала, и он, кажется, обрадовался этому больше, чем закату.

Кира позвонила, когда я поднималась в номер, мокрая, с песком в босоножках. Я ответила, потому что, если не ответить Кире после полуночи, она решит, что меня похитили. Тогда она позвонит в полицию, маме и в отель, именно в таком порядке.

— Ты где? У тебя голос странный, — сказала она и сразу перешла на шепот, хотя шептать ей было не от кого. — Подожди, ты смеешься? Вера, ты смеешься, я слышу, не отпирайся, ты

смеялась перед тем, как взять трубку, я тебя двадцать лет знаю, ты так не смеешься, ты так вообще не умеешь.

Я сказала, что купалась в море и что это было по договору. Кира долго молчала, а потом сказала, что ей надо выпить, и отключилась. В номере я открыла таблицу и в графе «аномалия» дописала: «А. С. — ?» Больше я ничего не написала, потому что не знала, что писать, и это было для меня так же непривычно, как собственный смех.

Игру он объявил на следующее утро, за завтраком, при Стасе. Подошел к нашему столику на террасе, поздоровался со Стасом за руку и сказал, что обещал мне партию в преферанс и хотел бы сдержать слово. Про договор не прозвучало ни слова, пункт о конфиденциальности он соблюдал строже меня.

— Для преферанса нужен третий, — сказал он и посмотрел на Стаса с тем простодушием, за которым у него, как я уже знала, всегда что-то пряталось. — Вы, случайно, не играете? Я спрашиваю, потому что на этом курорте найти человека, который знает, что такое вист, сложнее, чем свободный шезлонг в августе.

— Играю, — сказал Стас и отложил вилку. — Я в университете обыгрывал всех, у нас на курсе была целая лига, и я ее всю учебу держал, а до диплома из той лиги, между прочим, дотянул я один, остальные вылетели кто за прогулы, кто за преферанс.

Я согласилась сразу, раньше, чем успела подумать. Преферанс — это мое поле, пулю я пишу с двенадцати лет. В институте я играла по пятницам в общежитии и выигрывала у мальчиков с мехмата, которые были уверены, что девочки не умеют считать расклады. На этом поле мне не нужно было ничего бояться. Стас принял вызов с плохо скрытым удовольствием. Я видела, как у него разгладилось лицо: для него это был шанс выиграть меня у соперника на моих же глазах, честно, по правилам, которые он знает. Он сам предложил поднять ставку за вист, «чтобы было интересно», и назвал сумму. Артем пожал плечами и согласился так легко, как соглашаются оставить мелочь на чай.

Договорились на завтра, на семь вечера, на террасе. Я пила кофе и смотрела на обоих своих активов за одним столом. Один сидел прямо, с салфеткой на коленях, второй развалился на стуле и крутил в пальцах чайную ложку, причем так, что она ни разу не звякнула о блюдце. И я с досадой заметила, что хочу, чтобы завтра выиграл не тот, кто подходит мне по критериям.

Стас достал телефон, записал в календарь «преферанс, 19:00, терраса» и поставил напоминание за час.

— Я никогда не проигрывал, — сказал он, убирая телефон, и улыбнулся мне той улыбкой, которой улыбаются, когда уверены в результате. — Так что, Вера, болейте за меня, хотя болеть, в общем, и не придется.

Я кивнула. Говорить я ничего не стала, но про себя отметила, что он ошибается. Вчера в дендрарии я видела его портфель, и в нем была позиция, которая с весны потеряла почти треть, и пролистнул он ее очень быстро.

Глава 6 Вера. Сочи. 2 октября

На террасе отеля нам поставили круглый стол под лампой, подальше от музыки, и официант принес три чашки кофе и пепельницу, которой никто не воспользовался. Колоду принес Стас, новую, в целлофане. Артем пришел с пустыми руками и сел спиной к морю, хотя место с видом было свободно. Пулю я взялась вести сама, никого не спрашивая. Расчертила лист из блокнота на три сектора, вписала в середину ставку и только потом подняла глаза. Оба смотрели на меня: Стас с одобрением, Артем с тем интересом, с каким смотрят на человека, который сам взял на себя самую скучную работу.

Запись для меня — та же ведомость. Гора, пуля, висты, все по своим графам, все сходится, если не врать. За кухонным столом в нашей старой квартире отец учил меня писать пулю, когда мне было двенадцать. Он играл с соседом и с мамой, а я сидела рядом с карандашом и вела запись. Через месяц он сказал, что так аккуратно у него пулю не вел никто. Даже в санатории, где он, по его словам, однажды выиграл холодильник. Холодильник, кстати, потом продали. Мама в эти вечера сидела с нами, играла третьей, хотя карт не любила, и всегда первой говорила «пас». Я тогда думала, что ей просто не идет карта. Теперь, когда я вспоминаю ее лицо над веером карт, мне кажется, что пасовала она не из-за карты.

Играла я так, как меня учили: точно и без лишнего. Игру брала только наверняка, на взятку вперед. Если на руке не было верных шести, я пасовала, даже когда Стас поднимал бровь. Стас играл правильно, по учебнику, и через каждые три сдачи вспоминал университетскую лигу. Артем играл быстро, почти не глядя в карты, и все время что-то говорил. Через час он посмотрел на мою запись, потом на меня и улыбнулся.

— У нас на курсе был один такой, тоже все время болтал за столом, — сказал Стас, не отрывая глаз от своих карт. — Думал, что сбивает соперников, а на самом деле сбивал только себя, и к концу второго курса играл со мной уже только на интерес, потому что на деньги с ним никто не садился. Я тогда понял, что в преферансе главное — дисциплина, а все остальное от лукавого.

— Дисциплина — это прекрасно, — согласился Артем и сказал «пас». — Только в карты, к сожалению, играют с людьми, а люди, Стас, то и дело делают что-то недисциплинированное, и это самое интересное, что в них есть.

Стас вежливо улыбнулся, как улыбаются собеседнику, который сморозил глупость, но не со зла. Я пасанула следом и подумала, что они разговаривают поверх моей головы и что мне это почему-то любопытно, хотя должно быть обидно.

— «Раз» не говорите без железных шести взяток на руке, на восьмерной не вистуете, закладываетесь на четыре-ноль и в прикуп не верите вообще, — сказал он, тасуя колоду так неловко, что одна карта выскользнула на стол, и он смущенно вернул ее в колоду.

— Это называется осторожностью, и в преферансе она пока никому не вредила, — сказала я, не поднимая глаз от записи.

— Так играют старики на катранах, которые сорок лет сидят за столом и ни разу не проиграли больше, чем собирались. Вы где этому научились, Вера, в Москве так уже никто не играет?

— Меня папа учил, — сказала я и сама удивилась, что ответила так коротко. — А его научил кто-то еще, он никогда не говорил кто, только что это был очень хороший игрок и что тот ни разу в жизни не рискнул.

Артем кивнул и больше ничего не спросил, но сдавать стал медленнее, и я видела, что он что-то запоминает.

Решающая для меня сдача пришла на третьем часу. Я развернула карты и увидела мизер, почти чистый, какой приходит раз в несколько вечеров: семерка, восьмерка и десятка пик, семерка и девятка треф, семерка и девятка червей, и только в бубнах у меня лежали семерка, девятка и дама. Если мизер пройдет, я запишу себе десять в пулю и закрою ее раньше всех, а если поймают, сяду, и сяду крепко.

Я считала. Сначала быстро, по привычке, потом медленно, перебирая варианты, как перебирают строки в акте сверки, пока не найдется ошибка. Мизер был крепкий, и опасность в нем была только одна, бубновая дама: если восьмерка, десятка и валет бубен окажутся на руках у соперников и лягут удачно для них, даму поймают на третьем заходе в масть, а если хоть одна из этих карт придет мне в прикупе, мизер станет чистым. Шансы, что меня поймают, были маленькие, я пересчитала их дважды, и любой игрок за любым столом упал бы на этот мизер не раздумывая. Но маленькие шансы — тоже шансы, и все решали две карты в прикупе, которых никто за этим столом не видел.

Знал бы прикуп — жил бы в Сочи. Отец повторял эту поговорку каждый раз, когда проигрывал, и каждый раз смеялся. Я сидела в Сочи, на террасе с видом на море, и не знала прикупа, и мне было смешно и страшно одновременно. Карты у меня в руке стали влажными по краю, и я заметила, что держу их так, как когда-то держала отцовские, двумя руками, чтобы не рассыпать.

Я спасовала. Прикуп открыли, там были восьмерка бубен и туз треф, мизер был чистым. Артем посмотрел на него, потом на меня, и ничего не сказал, и за это я была ему благодарна. Только через несколько сдач, сгребая карты, он сказал вполголоса, так, чтобы не слышал Стас, что я ее правильно посчитала и правильно не поверила. Прикуп, сказал он, никогда не бывает правильным или неправильным, он просто лежит, и все. Я спросила, что же тогда в нем правильно. Он ответил, что правильно бывает только то, что ты делаешь, пока его не видишь.

Стаса разгромили так методично, что я, ведя запись, сначала не поверила собственным графам. Артем вистовал против него раз за разом, даже там, где по учебнику вистовать нельзя, и раз за разом сажал без одной-двух взяток. Он, казалось, заранее знал, какой у Стаса расклад, и только к концу второго часа я поняла откуда: заказывая, Стас всякий раз выравнивал веер, пока карты не вставали ровно, как нож у тарелки, а Артем смотрел на его веер чаще, чем в свой. Стас багровел, пересчитывал взятки и говорил про статистику. Потом сам предложил поднять ставку.

— Карта повернется, — сказал Стас, и я увидела, что у него покраснели уши. — Отыграться можно за час, если она пойдет, а она пойдет, я это знаю, закон больших чисел еще никто не отменял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.